

Найденов Сергей Александрович

Дети Ванюшина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Александрович Н.**
Дети Ванюшина / Найденов Сергей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
76 с.

ISBN 978-5-519-98610-6

ISBN 978-5-519-98610-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гнетущее, исключжающее впечатлѣніе чловѣка добраго и простаго, хотя этими качествами старикъ надѣленъ природой въ достаточной степени.

Главная его особенность характера—замкнутость.)

Ванюшинъ. Гдѣ шатался?

Алексѣй. У товарища былъ.

Ванюшинъ. Смотри, Алексѣй, не доживемъ мы съ тобой до добра. Молоко на губахъ не обсохло, а ночи шатаешься!

Алексѣй. Я, папаша, у товарища былъ. Что тутъ такого?

Ванюшинъ. Врешь! Дери тебя горой! Въ гимназіи сегодня не былъ. Директоръ присылалъ за мной. Пожалѣлъ бы отца-то позорить! (Алексѣй хочетъ уйти.) Поймай! Въдь ночь изъ-за тебя не сплю... Выгонять,—что будешь дѣлать? Бочки съ сахаромъ заставлю откупоривать, хуже рабочаго сдѣлаю! На что ты, дуракъ, рассчитываешь? Чего ждешь? Скажи мнѣ на милость.

Алексѣй. Что говорить... Вы это не поймете.

Ванюшинъ. Да ужъ гдѣ понять! Ахъ ты, лѣшій, лѣшій! Отца ты глупѣе себя считаешь. Ты поживи, сколько я пожилъ, поработай... Ступай съ глазъ долой! (Алексѣй подымается по лѣстницѣ и уходитъ наверхъ. Ванюшинъ садится у стола, разстегиваетъ воротъ рубахи и третъ голую грудь рукою. Изъ комнаты Константина показывается Леночка и, увидавъ Ванюшину, быстро скрывается обратно.)

Ванюшинъ (оборачивается.) Кто это? (Не увидавъ никого, опускаетъ голову и крѣпко о чемъ-то задумывается.)

(Изъ спальни выходитъ Арина Ивановна, добрѣйшая по вѣшности старушка, лѣтъ пятидесяти трехъ. Она—старый ребенокъ, и не ребенкомъ никогда не была—такъ напыны ея понятія и знаніе жизни. На головѣ ея коричневый платочекъ, въ которомъ она всегда молится по нѣсколько часовъ сряду утромъ и вечеромъ; въ рукахъ лѣстовка и кадильница съ курящимся ладаномъ.)

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ, спалъ бы пока... вторую ночь не спишь. Развѣ такъ можно?

Ванюшинъ. Не до сна тутъ, старуха!

Арина Ивановна (желая сказать ему что-нибудь утѣшительное). Расходы будемъ сокращать.

Ванюшинъ. Нельзя этого. Иди, молись.

Арина Ивановна. Зачѣмъ второго дворника нанять? Не надо бы нанимать.

Ванюшинъ. Не толкуй!

Арина Ивановна. Чаю попилъ бы. Велѣтъ, что ли, поставить? (Подходить къ лѣстницѣ и кричать.) Акуля! — Чай, спать еще.—Акуля!

Голосъ Акулины. Что?

Арина Ивановна. Самоваръ.—Сегодня бабушкѣ Лукерѣ память... два года прошло... Обѣдню заказать падо.

Ванюшинъ. Что намъ съ тобой съ дѣтьми-то дѣлать? Всѣ врозь...

Арина Ивановна. Дѣти... Ну, что же дѣти? У всѣхъ дѣти. Алешенька, вотъ, худой ужъ больно стаётъ.

Ванюшинъ. Выдрать его, такъ пополнѣтъ.

Арина Ивановна. Полно ужъ ты, Александръ Егоровичъ!

(Изъ своей комнаты выходитъ Константинъ, въ брюкахъ, въ рубашкѣ и въ туфляхъ. Онъ молодой человекъ, двадцати четырехъ лѣтъ, плотно сложенный, краснощекій, безъ всякой растительности. Говорить такъ, какъ будто бы постоянно сердится на что-то, вѣчно хмурый, недовольный. Ищетъ спички.)

Константинъ. Встали ужъ? Удивляюсь, что за охота такъ рано вставать?—У насъ во всемъ домѣ не найдешь спичекъ!

Ванюшинъ. Бока пролежишь, если будешь потвоему вставать. (Константинъ уходитъ наверхъ за спичками.) Буди ты его. Спать до обѣда, позднѣе всѣхъ выходить въ магазинъ; стыдно, какъ по улицѣ идетъ... Всѣ замѣчаютъ.

Арина Ивановна. Читаетъ онъ долго; часа въ три-четыре ложится. Какъ глаза-то только видятъ.

Ванюшинъ. Смотритъ онъ въ книгу, да видитъ фигу. Ума-то не много. Не того я ждалъ отъ него,—

серьезный былъ мальчишка, а дѣльца въ немъ сейчасъ не видно. Не помощникъ онъ...

Арина Ивановна. На тебя не угодишь: и тотъ не хорошъ, и этотъ... а другимъ хорошъ. Вонъ, говорятъ, барышня Расопова—спитъ и видитъ за него замужъ выйти.

Ванюшинъ. А сколько за ней?

Арина Ивановна. Шестьдесятъ тысячъ, Прасковья глухая сказывала.

Ванюшинъ. Чай, вретъ твоя глухая.

Арина Ивановна. Ну, вотъ, зачѣмъ ей врать! У самой-то Расопихи—Прасковьюшка первый чело-вѣкъ, каждый день бываетъ.

Ванюшинъ. Узнай про это лучше.

(Константинъ и за нимъ Акулина спускаются съ лѣстницы; Акулина беретъ самоваръ съ лежанки и уходитъ въ сѣни; Арина Ивановна — въ спальню.)

Константинъ. Вы, папаша, видѣли кассовую книгу? Я вчера въ гостиной на столѣ оставилъ, ду-малъ—увидите.

Ванюшинъ. Въ руки не могъ отдать? Забрался съ девяти часовъ въ свою комнату, не выходилъ...

Константинъ. Предоставьте мнѣ свободу распоряжаться самимъ собой хоть въ мелочахъ — про серьезное я ужъ не говорю—спать, гулять и ѣсть когда я хочу.

Ванюшинъ. Порядку въ домѣ не будетъ.

Константинъ. Ахъ, оставьте это! Подсчитайте лучше книгу.

Ванюшинъ. А ты что самъ-то не подсчитываешь? Смотри, зачитаешься—въ карманѣ не досчитаешься.

Константинъ. Будетъ вамъ! Вѣчно одно и то же... Въ этотъ мѣсяцъ торговали лучше сравнительно съ прошлымъ годомъ, навѣрно не знаю насколько.

Ванюшинъ. Правда ли?

Константинъ. Съ одной фабрики Спиридонова

получили тысячу шестьсотъ рублей по счету. Подсчитайте, это очень интересно.

В а н ю ш и н ъ. Если такъ, корабля ли надо! Гдѣ книга-то, ты говоришь? (Обрадованный сообщеніемъ сына, уходитъ черезъ переднюю въ гостиную.)

К о н с т а н т и н ъ (подходить къ двери своей комнаты и шепчетъ). Тс... Лена!.. Живо...

(Выбѣгаетъ дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ юбкѣ, въ ночной кофточкѣ, съ распущенными волосами и вбѣгаетъ на лѣстницу. У нея круглое лицо, вздернутый, расплывшійся носикъ, пухлыя губы и узкіе хитрые глаза. Говоря, она немного шепелявить и жеманится.)

Л е н а (стоя на лѣстницѣ). Смотри, вечеромъ будь дома! (Дверь спальни отворяется.) Тетя...

(Константинъ скрывается въ своей комнатѣ. Выходитъ Арина Ивановна.)

Л е н а. А я, тетя, къ вамъ. Нѣтъ ли у васъ капель? Всю ночь не спала, животъ болѣлъ.

А р и н а И в а н о в н а. Не знаю, Леночка, есть ли. (Отворяетъ буфетъ и ищетъ капли.) Вотъ какой-то пузырекъ.

Л е н а (беретъ пузырекъ и читаетъ надпись на немъ). Это гофманскія.

А р и н а И в а н о в н а. Ну, ихъ и прими—помогаютъ. А вотъ Акулина подастъ самоваръ, я бутылку съ горячей водой пришлю къ тебѣ наверхъ. Положи на животъ: согрѣется—пройдетъ.

Л е н а. Спасибо, тетя. (Цѣлуетъ ее и уходитъ наверхъ.)
(Арина Ивановна достаетъ изъ буфета скатерть и посуду; приготовляетъ столъ. Спустя нѣкоторое время входитъ Акулина съ кипящимъ самоваромъ.)

А р и н а И в а н о в н а. Достаешь-ка бутылку съ буфета. У Леночки животъ болитъ. (Завариваетъ чай.)

(Акулина встаетъ на лѣжанку и съ большимъ трудомъ, привставъ на цыпочки, достаетъ бутылку.)

А р и н а И в а н о в н а. Когда Алешенька пришелъ?

А к у л и н а. Утромъ, недавно.

А р и н а И в а н о в н а. Не пьяный?

А к у л и н а. Кажется, навеселѣ.

А р и н а И в а н о в н а (наливаетъ въ бутылку воды). На,

вотъ, отнеси. Скажи, чтобъ полотенцемъ обернула, да и приложила.

(Акулина идетъ. Входитъ Ванюшинъ.)

Ванюшинъ. Что это за бутылка?

Арина Ивановна. У Леночки животъ болитъ.

Ванюшинъ. Ёсть много дарового хлѣба. Отправить къ сестрѣ надо.

(Акулина уходитъ. Ванюшинъ, погруженный въ свои мысли, садится за столъ пить чай и говорить какъ бы про себя.)

Ванюшинъ. Вотъ балбесъ-то!

Арина Ивановна. Кого это ты ругаешь?

Ванюшинъ. Сынка старшаго.

Арина Ивановна. За что?

Ванюшинъ. Не выйдетъ изъ него проку... ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется. Лучше торговали! Все бы такъ лучше,—съ сумой пойдешь.

Арина Ивановна. Да полно тебѣ сокрушаться! Болѣзнь вѣдь отъ этого бываетъ.

Ванюшинъ (продолжаетъ думать вслухъ; глаза его наполняются слезами, но не теряютъ обыкновеннаго своего выраженія—суровости.) Тридцать лѣтъ ждалъ сына. Выросъ и... Дѣтки! Что имъ отецъ? Учились, да ничему, кромѣ фу-ты да ну-ты не выучились. Учить-то не стоило...

Арина Ивановна. Говорила я тебѣ...

Ванюшинъ. Ступай, старуха, молись.

Арина Ивановна. А ты и лба по утрамъ не перекрестишь! Только торговля на умѣ-то... Бога забылъ...

Ванюшинъ. А кормить-то васъ кто будетъ?

Арина Ивановна. Богъ прежде всего; безъ Его и дѣла плохи.

(Сверху сходитъ экономка Авдотья, бывшая няня младшихъ дѣтей Ванюшина. Она толстая, здоровая женщина, не старая, забравшая все домашнее хозяйство въ свои руки. Слабовольная Арина Ивановна подъ ея опекой и вліяніемъ.)

Ванюшинъ. Долго спишь, экономка.

Авдотья. Спится, такъ что не спать! (Вынимаетъ ключи изъ буфета отъ кладовой.) Что выдавать-то?

Ванюшинъ. Поросята тамъ есть.

Авдотья. Четыре осталось.

Ванюшинъ. Вѣдь я двадцать штукъ купилъ?

Авдотья. Молодцамъ три раза жарили.

Ванюшинъ. Поросятами ихъ не накормишь. Жирно будетъ.

Авдотья. Сами сказали, чтобы жарить имъ.

Ванюшинъ. Одинъ разъ сказалъ, а не три.

Авдотья. На васъ не угодишь! Все поправки.

Арина Ивановна. Муки-то нѣтъ у насъ, Александръ Егоровичъ.

Ванюшинъ. Какъ муки нѣтъ? Да что вы лошадамъ, что ли, муку-то засыпаете?

Авдотья. По двору, вмѣсто песка, разсыпаетъ. Пятьдесятъ ртовъ приказчицыхъ... каждому по два фунта въ день,—мало ли на нихъ однихъ надо? Ужъ больно жрать горазды!

Ванюшинъ. А ты не давай. (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Принеси-ка сюртукъ изъ спальни.

(Арина Ивановна уходитъ и скоро возвращается съ сюртукомъ.)

Ванюшинъ. На книжку ни-ни-ни, не смѣйте брать! Вчера девятьсотъ заплатилъ... (Беретъ сюртукъ и достаетъ изъ бумажника шестьдесятъ рублей.) Купите, да храните хорошенько. (Отдаетъ деньги Аринѣ Ивановнѣ.)

Арина Ивановна. Что ужъ больно много, Александръ Егоровичъ? Лучше бы поменьше.

Ванюшинъ. Нелзя этого, старуха: меньше никогда не покупали, всѣ знаютъ на рынкѣ.

Авдотья. Само собой не идетъ.

Арина Ивановна. Ужотка пошлемъ. (Кладетъ деньги подъ скатерть на столѣ.)

Ванюшинъ. Гнѣдого въ телѣгу за мукой ѣхать чтобъ заложилъ... Надо прыть-то ему сбить.

Авдотья. Знаю. (Уходитъ въ сѣни.)

А Р П Н А И в а н о в н а . Пойти домолиться. Все мѣшаютъ.

(Ванюшинъ погружается опять въ свои размышленія и пересчитываетъ деньги, находившіяся у него въ бумажникѣ. На верху раздаются голоса Ани и Кати. А н я : Ты мою тетрадку взяла?—К а т я : Не брала, вотъ пристала!—А н я : Я видѣла, какъ ты положила...)

К а т я . Да нѣтъ же!

(Сходятъ въ столовую и цѣлуютъ руку у отца. Онѣ въ гимназическихъ платьяхъ и бѣлыхъ фартучкахъ; обѣ въ одномъ классѣ, въ 5-мъ, хотя Анѣ шестнадцать лѣтъ, а Катѣ пятнадцать. А н я — толстенъкая шатенка, добрая, слабовольная, малоспособная учиться, большая трусиха: боится учителей и дурныхъ отмѣтокъ. Она похожа на мать и по характеру и по вѣшности. К а т я — блондинка, груба, не женственна и страшно неоткровенна — унаслѣдованная замкнутость отца. Въ ней много общаго съ старшимъ братомъ Константиномъ.)

В а н ю ш и н ѣ . Что вы, стрекозы, сегодня рано?

К а т я . У насъ первый—русскій языкъ, сочиненіе подаватьъ.

В а н ю ш и н ѣ . Чай, ужъ вы и сочинили! (Наливаютъ имъ чаю. Онѣ уходятъ въ спальню здороваться съ матерью и скоро возвращаются.)

В а н ю ш и н ѣ . Такъ зачѣмъ же рано итти? Сочиненіе раньше начала урока не подають. (Катя и Аня молча пьютъ чай, торопятся и обжигаются.) Что же вы молчите?

К а т я . Намъ педагогистка обѣщалась ошибки поправить.

(Молчаніе.)

В а н ю ш и н ѣ (обращается къ Анѣ). Фартукъ-то у тебя въ чернилахъ.

А н я . Гдѣ, папаша?

В а н ю ш и н ѣ . Не видишь? Ослѣпла? Писака! (Аня чувствуетъ дурное настроеніе отца и скорѣе старается допить свой чай, чтобъ уйти.)

В а н ю ш и н ѣ . Учить-то васъ, чортъ знаетъ, къ чему! Переводъ денегъ. (Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ, уходитъ въ спальню.)

А н я . Я у него денегъ просить не стану на книгу. Ты проси.

К а т я. Я просила на той недѣлѣ,—твоя очередь.

А н я. Ни за что! Онъ на Костю сердится.

К а т я. Нѣтъ, на Алешу.

А н я. А что Алеша сдѣлалъ?

К а т я. Не знаю. Директоръ вызывалъ папашу.

А н я. Онъ влюбленъ. По ночамъ стихи пишетъ. Вотъ узнать бы, въ кого онъ влюбленъ.

К а т я. Надо у него карточку изъ кармана вытащить, посмотрѣть.

А н я. Онъ тебѣ задастъ.

К а т я. Не узнаетъ... Интересно!

(Входитъ Щеткинъ, чиновникъ изъ управы, двадцати девяти лѣтъ, щеголевато одѣтъ, въ золотыхъ очкахъ, маленькая борода, большая лысина на головѣ. Онъ мягокъ и деликатенъ, „мамочка“—такъ часто называютъ такихъ людей, въ душѣ же хамъ и циникъ.)

Щ е т к и н ъ. Папаша не ушелъ?

К а т я. Нѣтъ. Кажется, одѣвается.

Щ е т к и н ъ (у дверей спальни). Папаша, вы скоро? (Входитъ Арина Ивановна. Щеткинъ цѣлуетъ у нея руку.) Съ добрымъ утромъ, мамаша.

А р и н а И в а н о в н а. Надо, что ли, на завтракъ?

К а т я. Понятно, надо.

(Арина Ивановна даетъ Катѣ и Анѣ денегъ, и онѣ уходятъ въ гимназію, одѣвшись въ передней и взявъ книги.)

А р и н а И в а н о в н а. Ужъ и не знаю, что дѣлается съ нимъ.

Щ е т к и н ъ. Съ кѣмъ?

А р и н а И в а н о в н а. Съ отцомъ. Ночи не спитъ... Посовѣтовали бы ему къ доктору съѣздить.

Щ е т к и н ъ. Я ему прежде всего посовѣтую быть аккуратнѣе по отношенію близкихъ... Вы ему не говорили о деньгахъ?

А р и н а И в а н о в н а. Нѣтъ.

Щ е т к и н ъ. Клавдинька просила васъ... Каждый мѣсяцъ одно и то же... Это скучно! Удивляюсь, какъ вы стали забывчивы.

А р и н а И в а н о в н а. Я скажу.

Щеткинъ. Нѣтъ ужъ, я самъ скажу! Но только знайте, что это въ послѣдній разъ,—больше я не намѣренъ попрошайничать. Держите вы слово, нечего сказать! (Насильно смѣется, раздраженъ и озлобленъ.) Если бы не я, ваша дочь до сихъ поръ мозолила бы вамъ глаза. Этого не слѣдуетъ вамъ забывать.

Арина Ивановна. Ужъ полно! Клавдиньку за что же вы?

(Входитъ Ванюшинъ въ сюртукъ и крахмальной сорочкѣ.)

Ванюшинъ. Что ты тутъ пѣтушишься?

Щеткинъ (цѣлуя руку Ванюшина). Съ добрымъ утромъ. Я къ вамъ... сегодня восьмое число.

Ванюшинъ. Ну что же, что восьмое?

Щеткинъ. Больше недѣли прошло послѣ перваго. Вы коммерческій человѣкъ, должны понимать, что значать для маленькаго человѣка во-время деньги.

Ванюшинъ. Какъ не понимать! Понимаю. Извините, Павелъ Сергѣевичъ, не приготовили, сдѣлайте милость.

Щеткинъ. У васъ никогда нѣтъ. Странно.

Ванюшинъ. Съ квартиры вытурю! Зазнался, дери тебя горой!

Щеткинъ. Ну, это вы пожалуйста! Всѣ знаютъ, что квартиру въ домѣ и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ вы обязались платить мнѣ, и всѣ будутъ знать, какъ вы держите свое слово. Я не изъ тѣхъ зятьевъ, которыхъ можно дурачить, прошу это замѣтить. Въ управѣ и то всѣ удивляются...

Ванюшинъ. А ты не смѣй болтать! Получаешь вѣдь,—чего надо?

Щеткинъ. Какъ нищій каждый разъ выпрашиваешь.

Ванюшинъ. Будетъ! Возьми въ магазинѣ. (Надѣваетъ въ передней енотовую шубу и шапку и, подойдя къ лѣстницѣ, кричитъ.) Эй ты, гулёна, въ гимназію иди! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Гони Алешку-то!

Щеткинъ. Въ управѣ сегодня будете?

Ванюшинъ. Можетъ быть, не приду. Скажи головѣ, что заболѣлъ, молъ. (Уходитъ.)

Арина Ивановна. И зачѣмъ вы его разстраиваете? Пожалѣли бы.

Щеткинъ. Дудки! Одинъ мѣсяцъ спусти, другой, а потомъ и забудется. Это я знаю.

Арина Ивановна. Полно вамъ. (Слышенъ стукъ. Это стучитъ Клавдія изъ своей квартиры, помѣщающейся внизу.) Вонъ Клавдія зоветъ. Ступайте! (Обиженная уходитъ въ спальню.)

Щеткинъ. Должно быть, пирожки готовы. Прощайте. (Уходитъ.)

(Сцена нѣкоторое время пуста. Входитъ Авдотья, осматривается и, подойдя къ буфету, пьетъ водку. На лѣстницѣ появляется Алексѣй въ мундирѣ и съ ранцемъ.)

Алексѣй. А, нянюшка, попались!

Авдотья. Ключи затерялись.

Алексѣй. Такъ вы на днѣ четверти ихъ ищете? (Авдотья запираетъ буфетъ.) Постой... я тебя научу... Отецъ замѣчаетъ, что ты водку пьешь... такъ ты вотъ какъ... (наливаетъ рюмку и выпиваетъ)... выпьешь — и ставь ярлыкомъ бутылку къ стѣнѣ, — онъ всегда такъ ставитъ, и я такъ дѣлаю.

Авдотья. Хитрый... Гдѣ ночь-то сегодня шатался? Все, чай, по дѣвочкамъ?

Алексѣй. Съ твоей легкой руки.

Авдотья. А ты старое-то не вспоминай... не хорошо... старуха я совсѣмъ стала.

Алексѣй. Учительница!

Авдотья. Не вспоминай... Ишь у тебя волосики-то какъ стали виться... (Гладитъ его по головѣ.)

Алексѣй. Уйди! (Отталкиваетъ ее; Авдотья незамѣтно пропадаетъ изъ комнаты, чувствуя себя пристыженной и виноватой передъ Алешей. Онъ садится за столъ пить чай; чѣмъ-то очень разстроенъ, озабоченъ и нервенъ; часто хватается за голову и сжимаетъ пальцы, ходитъ, садится и встаетъ, повидимому что-то вспоминаетъ и увлечается. Вынимаетъ изъ кармана фотографическую карточку женщины,